

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Эта статья позволит вам получить представление о том,

- каковы основные тенденции последних лет в военно-политической сфере в восточноазиатском регионе;
- с какими новыми вызовами сталкивается регион в постбиполярную эпоху;
- как развиваются внешнеэкономические связи региона;
- по какому пути идут процессы региональной экономической интеграции.

1. Реликтовый феномен конфликтогенного комплекса междуна-родных связей в регионе Восточной Азии

Проблемы региональной системы безопасности в постбиполярную эпоху

Система безопасности в регионе Восточной Азии основывается фактически на организационном фундаменте времен холодной войны. В основе данной системы лежат двусторонние договоры США с союзниками в регионе: Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Таиландом, Тайванем. В стратегических концепциях Вашингтона этот формат получил название «системы оси и спиц»: осью являются сами Соединенные Штаты, договоры которых со стратегическими союзниками в регионе уподоблены «спицам». Подобная система является антиподом «сетевому» стратегического союза, организационная структура которого построена на принципах равноправного участия и коллегиальности при принятии решений. Классическим примером последнего является блок НАТО.

Особенность отдельных союзнических договоров в рамках «системы оси и спиц» хорошо прослеживается на при-

мере японо-американского военно-стратегического союза, занимающего в рамках данной системы ключевое положение. Уровень стратегического интегрирования Японии в америкоцентристскую систему безопасности продолжает оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывает США в размещении на своей территории ядерных средств, воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету.

Исторически «система оси и спиц» базируется на принятой Пентагоном посылке о потенциальной возможности перехода некоторых стран данного региона в статус «враждебных». За счет перекрытия зон ответственности в рамках двусторонних договоров с союзниками США пытаются обеспечить дополнительный «запас прочности» америкоцентристскому комплексу региональной безопасности: изменение ситуации, сопровождаемое модификацией подходов отдельных стран-союзников к военно-стратегическому партнерству с Вашингтоном, не ставит под угрозу общую стабильность ситуации в регионе, обеспечиваемую за счет «многослойного» характера «системы оси и спиц».

После завершения периода холодной войны в Восточной Азии произошли существенные изменения геометрии «полюсов силы» в международных отношениях, отражающие новые реалии, сложившиеся в постбиполярном мире. В результате распада СССР США остались единственной

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

военной сверхдержавой, в связи с чем реальные очертания приобрела угроза складывания такой системы международных отношений, в которой приоритет имели бы экономические и военно-политические интересы Вашингтона. Широкое распространение в 90-е годы прошлого века получила теория «унилатеризма», или «однополярности», в которой США признавались единственным полюсом силы, способным диктовать свои условия остальному миру.

Однако с начала 2000-х гг. проблема «унилатеризма» стала постепенно терять свою актуальность в связи изменениями в геометрии «полюсов силы», связанными с появлением новых «центров силы» (в лице, например, стран BRICs, под которыми подразумеваются Бразилия, Россия, Индия и Китай, т.е. страны с быстрорастущей экономикой) и формированием реальной многополярности.

Применительно к региону Восточной Азии данный процесс проявил себя в виде фактора борьбы за лидерство в регионе сразу нескольких держав, претендующих на статус «полюсов силы», а именно США, Китая и России, а также Японии, продолжающей, несмотря на ослабление своих глобальных экономических позиций, оставаться крупнейшим игроком на авансцене международных отношений в регионе. В этой связи насущность для региона, помимо фактора макрополитической стабильности, обеспечиваемой за счет америкоцентристской системы безопасности, приобрели также факторы китайско-американского и японо-китайского соперничества в экономической и военно-политической плоскостях, фактор влияния России, а также механизмы многостороннего взаимодействия при решении конкретных проблем региона (безопасности на Корейском полуострове, терроризма, морского пиратства, оборота наркотиков и т.д.) Кроме того, в отражение глобальных тенденций в пользу усиления роли невоенных аспектов влияния в международных отношениях в регио-

нальных комплексах безопасности происходит дальнейшая актуализация понятия «мягкой силы», под которой понимается культурная и идеологическая экспансия государств, а также конкуренция представляемых ими образов и мировоззренческих ориентиров.

Дополнительным фактором нестабильности в регионе является наблюдаемое здесь в страновой и субрегиональной плоскостях большое разнообразие по признакам уровня экономического развития, социально-культурного и этноконфессионального фона, масштабов (государств, территорий, населения), государственного строя и политических систем. Фактор «несходства» нередко препятствует установлению взаимопонимания и налаживания взаимодействия как при решении политических и военно-стратегических проблем, так и организации экономической интеграции.

Среди имеющихся в регионе специфических проблем, оказывающих свое воздействие на общую картину в сфере безопасности, следует упомянуть тайваньскую проблему и проблему урегулирования на Корейском полуострове. Эти проблемы оказывают негативное воздействие на общий климат международных отношений и не поддаются решению в краткосрочный период времени.

Источниками постоянной военно-политической напряженности являются имеющиеся здесь территориальные конфликты. Территориальная проблема так или иначе проявляет себя в отношениях между Японией и Китаем, Японией и Россией, Китаем и Южной Кореей, Китаем и Вьетнамом, Южной Кореей и Японией, постоянно генерируя взаимное недоверие и настороженность. В этих условиях негативное воздействие оказывает также отсутствие в регионе «медиаторских субъектов», т.е. акторов (государств, страновых объединений, влиятельных международных организаций), способных взять на себя роль посредника в реализации системы всеобъемлющей безопасности.

Фактором, препятствующим налаживанию интеграционного взаимодействия, служит рост националистических настроений в таких странах, как Китай, Южная Корея, Япония, страны Юго-Восточной Азии.

Это явление имеет различные формы проявлений. Одним из них, в частности, является рост антиамериканских настроений. Так, по данным американских социологических служб, к США в 2007 г. «позитивно» относилось лишь 34% граждан Китая, 61% граждан Японии и 35% граждан Южной Кореи.

Другой формой проявления национализма является его «историко-культурный» тип, в основе которого лежит груз исторического опыта с множеством неприятных страниц. Так, в Японии около 70% опрошенных в июне 2007 г. считали Китай «высокомерной страной», 90% — негативно оценивали военный рост КНР. В то же время в Китае около 70% участников опроса в 2007 г. дали в 2007 г. оценку Японии как «националистической» и «недружественной» Китаю страны.

Проявления национализма в отношении Японии со стороны Китая и Южной Кореи во многом связаны с неурегулированностью, по мнению этих стран, многих проблем Второй мировой войны. К числу последних, в частности, следует отнести проблему храма Ясукуни (посещение японскими официальными лицами синтоистского храма, в котором, как считается, покоятся души японских военнослужащих, в том числе и тех, кто был осужден за военные преступления на территории стран, подвергшихся в годы Второй мировой войны японской агрессии); проблему школьных учебников по истории (в некоторых издаваемых при одобрении министерства образования Японии учебниках средней школы по истории отсутствует четкая оценка японского вторжения в азиатские страны в годы Второй мировой войны как агрессии); проблему «комфортных женщин» (кореенок, которых насильно заставляли оказывать сек-

суальные услуги японским военнослужащим в период Второй мировой войны).

Свое влияние оказывает также национализм, окрашенный в «культурно-исторические» тона. Так, например, в Южной Корее в 2007 г. существенное воздействие на настроения граждан оказывала политика США, направленная на международную изоляцию Северной Кореи в связи с проведением Пхеньяном испытания ядерного взрывного устройства в октябре 2006 г. В основе этого подспудно лежало осознание Кореи как единого, но временно разделенного государства, имеющего общую историю и культуру. В той же Южной Корее существенное недовольство вызвала трактовка официальным Пекином древнекорейского государства Когурё исключительно как вассального по отношению к Китаю государства, являющегося не более чем данником Китая.

Результатом указанных конфликтогенных факторов является достаточно высокий уровень милитаризации стран региона, а также продолжение ими ставки на военные методы в политике обеспечения национальной безопасности. В Восточной Азии продолжается гонка вооружений, активный процесс модернизации вооруженных сил их оснащения новейшими видами оружия, в том числе и основанными на новейших информационных технологиях. Например, только в странах Северо-Восточной Азии совокупный военный бюджет вырос с 135 млрд долл. в 1999 г. до 192,7 млрд долл. в 2005 г.

Среди основных тенденций, наблюдаемых в последние годы в системе стратегической безопасности региона Восточной Азии, следует назвать относительное ослабление российского и американского факторов региональных систем обеспечения безопасности и одновременное военно-экономическое и стратегическое усиление КНР, идущее параллельно процессу наращивания Китаем экономической, финансовой и технической мощи.

Активно проводимая Китаем политика технической модернизации вооружен-

ных сил при сокращении численности личного состава создает в регионе принципиально новую геостратегическую ситуацию, в рамках которой США уже не обладают достаточными ресурсами для того, чтобы в одиночку диктовать свою волю. Особенно сильно на изменение этой ситуации воздействуют успехи Китая в деле модернизации своего ракетного и космического потенциала, средств противовоздушной обороны, военно-морского флота, особенно подводного. Шоковый эффект на американское военное командование оказали события ряда последних лет, наглядно продемонстрировавшие достигнутый Китаем технический уровень вооружений. Например, в октябре 2007 г. дизельная субмарина КНР класса «Сонг» подошла незамеченной в район группировки тихоокеанской авианосной группировки США в район прямой досягаемости для ракетного удара в отношении авианосца «Кити Хок». Большим ударом для США, войска которых ориентированы на использование космических систем связи, раннего предупреждения о ракетном нападении, навигации, разведки, целеуказания и т.д., стала демонстрация Китаем возможностей по поражению космических объектов. Например, в январе 2007 г. китайская ракета успешно сбила старый метеоспутник КНР.

В создавшихся условиях США рассматривают подъем Китая как фундаментальный вызов, требующий выработки стратегии сдерживания. В рамках внешнеполитического и оборонного истеблишмента было выработано несколько концепций политики на китайском направлении. Так, Пентагон взял на вооружение стратегию «огораживания», предполагающую перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, фундаментальную перегруппировку войск и изменение структуры военных баз с учетом китайского фактора. Одним из главных пунктов базирования военно-морских сил и военно-воздушных сил США на Тихом

океане, в том числе для стратегических бомбардировщиков и самолетов-разведчиков, становится остров Гуам, куда перебрасывается существенная часть группировки морской пехоты США, которая ранее базировалась на Окинаве. В то же время госдепартамент США более активно продвигает концепцию «ответственного акционера», предложенную заместителем госсекретаря США Р. Зелликом. Ее суть заключается в том, чтобы энергичнее вовлекать Китай в систему международной безопасности в Азии на правах активного субъекта, основываясь при этом на общности стратегических интересов и на внедрении западных ценностей в китайскую политическую и экономическую систему.

Для укрепления своих позиций в Восточной Азии США взяли курс на то, чтобы повысить роль своих стратегических союзников в регионе в рамках системы двусторонних договоров безопасности, и прежде всего Японии и Южной Кореи.

Особую роль играют отношения стратегического партнерства с «союзником номер один» в АТР — Японией. В последнее время наблюдаются тенденции усиления военного компонента в принятых Токио по «договору безопасности» союзнических обязательствах, а также постепенного отхода Японии от мирных положений в законодательных актах, закрепляющих ее мирный статус. Речь идет не только о прямом отказе от девятой статьи Конституции, по которой Япония отказывается от войны как средства разрешения международных споров, но и о ряде вытекающих из нее и являющихся ее продолжением нормативных документов, принципов, соглашений.

Следует отметить, что мирный статус Японии предполагает отсутствие в Японии вооруженных сил (армии) как таковых. Не случайно вооруженные силы, которые создавались в послевоенные годы в Японии, назывались «силами самообороны», а ведомство, которое занималось управлением вооруженными силами, бы-

ло лишено традиционного статуса министерства. Оно было понижено «на ступень» по отношению к другим министерствам и называлось Управлением национальной обороны (при этом это управление входило в состав канцелярии кабинета министров).

В 1950–1960-е гг. в Японии были приняты законодательные нормы, запрещавшие японским военным оснащать «силы самообороны» наступательными видами вооружений, экспортировать и импортировать определенные виды вооружений и военные технологии, участвовать в разработке космического оружия. В 1955 г. был принят закон о мирном использовании атомной энергии, закрепивший право страны использовать атомную энергию исключительно в мирных целях. Кроме того, в этот же период был законодательно закреплен запрет на отправку войск за рубеж, в том числе в составе миротворческих контингентов.

Используя свой статус невоенной державы и указанные соглашения, Япония в 1950–1970-е гг. смогла существенно укрепить свою экономическую базу, прежде всего в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, сильно пострадавших в годы Второй мировой войны от японской агрессии. При этом девятая статья Конституции стала для Токио удобным средством для достижения весьма амбициозных внешнеэкономических целей — ведь именно благодаря ее существованию было снято недоверие к Японии, и большинство стран региона смогли убедиться, что послевоенная Япония — совсем другая страна, страна, полностью отказавшаяся от милитаристской политики.

Ситуация изменилась под влиянием многих обстоятельств и факторов пример-

но начиная с 1990-х гг. Одна из ключевых тенденций внешней политики Японии заключается в постепенном отказе от опыта невоенной державы и тесно связанных с ним обязательств и договоренностей. В 2007 г. японскими законодателями было принято решение о том, что в 2010 г. будет вынесен на всеобщий референдум проект изменений в Конституцию Японии, в котором девятой статьи уже не будет.

Между тем руководством Японии делается множество, на первый взгляд, незаметных, но последовательных шагов в сторону отмены или отказа от исполнения различных законодательных норм, тесно связанных с девятой статьей. Так, в 2007 г. в Японии на основе Управления национальной обороны было создано полноценное Министерство обороны, что де-юре нарушает принцип отказа от создания армии и системы управления вооруженными силами.

Это интересно. В 2007 г. Япония закупила у Соединенных Штатов 50 истребителей-бомбардировщиков F-22 Raptor, а ранее японским правительством были также осуществлены закупки самолетов-дозаправщиков, которые позволяют в значительной степени расширить диапазон патрулирования японскими ВВС территорий за пределами Японии. Эти самолеты, безусловно, относятся к наступательному классу вооружений, ранее запрещенных для японских вооруженных сил. В 2007 г. Япония объявила также о завершении строительства вертолетоносца авианосца *Нууга* и готовности построить еще три корабля такого класса (решение о том, что на вооружении японского флота должны появиться авианосцы, было принято впервые с времен окончания Второй мировой войны).

От запрета на участие в военных действиях за рубежом Япония стала постепенно отказываться с начала 1990-х гг., когда был принят закон об участии «сил самообороны» Японии в миротворческих операциях. В рамках этого закона были регламентированы случаи, когда японские военные могли быть направлены за рубеж, и в том числе выдвигалось требование, что для участия японских контингентов в ми-

ротворческих операциях последние обязательно должны быть «санкционированы» мандатом ООН. На практике, нужно сказать, участие Японии в военных операциях за рубежом не ограничивалось только миротворчеством под эгидой ООН. Так, японские контингенты принимали участие в операциях в Камбодже, входили с 2003 г. в возглавляемую США иракскую коалицию.

Несмотря на то что японское правительство неоднократно декларировало намерение не экспортировать оружие и отказаться от передачи за рубеж военных технологий, эти меры в Японии также не всегда исполнялись. Еще в 1980-х гг. Токио принимал активное участие в известной «стратегической оборонной инициативе» администрации Р. Рейгана, при этом известно, что вклад японских компонентов в эту программу, и прежде всего компонентной базы спутникового оружия, полупроводников, лазерного оружия, был неопределимым. По последним данным, Япония взяла курс на создание совместной с Соединенными Штатами системы противоракетной обороны и провела недавно успешные испытания ракет-перехватчиков SM-3 американского производства, которые, как предполагается, станут главным компонентом японской системы ПРО. В 2008 г. был принят закон, позволяющий Японии участвовать в разработке космического оружия. При этом еще в 2006 г. в рамках реализации космической программы Япония осуществила успешный запуск ракеты-носителя H-2A со спутником мониторинга Земли.

Из всего багажа законодательных (нормативных) актов, а также налагающих определенные моральные обязательства на японское правительство парламентских деклараций и заявлений, касающихся укрепления мирного статуса Японии, на сегодняшний день действующими остались, пожалуй, только два положения. Во-первых, это обязательство Японии не превышать однопроцентный уровень военных расходов (не более 1%

по отношению к ВВП страны). При всем этом, однако, Япония по своему военному бюджету занимает, по разным оценкам, от 4-го до 6-го места в мире, т.е. объем средств, которые страна направляет на развитие вооруженных сил, в сравнении с другими мировыми державами остается очень высоким. Во-вторых, Япония остается неядерной державой, продолжая придерживаться так называемых трех неядерных принципов, сформулированных еще в начале 1970-х гг.: не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие. Тем не менее вопрос о «ядерном выборе» Японии остается на сегодняшний день достаточно актуальным, особенно в свете международной ситуации в Северо-Восточной Азии. Такие события, как ядерные испытания, проведенные КНДР в 2006 г., и обострение ситуации в зоне Тайваньского пролива, которые очень болезненно воспринимаются в Японии, могут привести впоследствии к пересмотру официальным Токио своего «безъядерного» статуса.

Нужно отметить, что «новый курс» японской политической элиты, связанный с отказом от мирных положений Конституции и укреплением военного потенциала страны, хоть и неявно, но поддерживается рядом западных держав, и прежде всего Соединенными Штатами. Вашингтон по-прежнему заинтересован в сохранении тесных партнерских отношений с Токио, в том числе в сотрудничестве в военно-политической области. Отсюда — и закупки Японией американской военной техники, и согласие США на пересмотр (в сторону повышения) роли Японии в американо-японском договоре о безопасности, составляющего основу стратегического партнерства двух стран. Если ранее Япония была более зависимой, несамостоятельной стороной в рамках этого договора, то сейчас повышается степень ее вовлечения в военное взаимодействие, и расширяется «зона ответственности». Выражается это в развитии новых форм координации действий с Соединенными Штатами по созданию

совместного командования (на базе ВВС Йокота), расширению акватории совместного патрулирования морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива, переброске Пентагоном в Японию части личного состава вооруженных сил (речь, в частности, идет о восьми тысячах морских пехотинцев, переброшенных на остров Гуам близ КНР).

Вокруг вопроса о возрождении военного потенциала Японии и перспектив отказа от «мирного статуса», закрепленного в Конституции страны, пока продолжается общественная дискуссия. Ситуация здесь не настолько определенная, как может показаться на первый взгляд. Японское общество, по сути, разделилось на сторонников и противников значительно изменившегося за последние годы военно-политического курса. И помимо тех, кто выступает за возрождение Японии как военной державы и укрепление ее военной мощи, здесь сильны также позиции политиков, придерживающихся более прагматичных взглядов и считающих, что будущее экономическое процветание Японии не обязательно требует отказа от «мирного наследия» и невоенного статуса.

«Новые вызовы» в регионе Восточной Азии

Среди «новых вызовов», во всей остроте вставших перед государствами региона в постбиполярную эпоху, следует выделить следующие.

Прежде всего, это угроза распространения оружия массового поражения в регионе, и в первую очередь ядерного. Сюда входит комплекс проблем, связанных с контролем за производством и трафиком расщепляющихся материалов оружейного типа, находящимся в ведении МАГАТЭ, а также вопрос о режиме договоров о полном запрещении испытаний, и системы оповещения запуска ракет. Для Восточной Азии указанные угрозы приобретают особое значение на фоне обострения проблем распространения ядерного оружия,

в частности в связи с проводимой КНДР программой создания ядерного оружия.

Другой вид угроз, специфически проявляющих себя в данном регионе, — это так называемые мягкие угрозы, т.е. угрозы, имеющие невоенный характер. К их числу прежде всего относится экологическая проблема, в частности вопросы, связанные с ухудшением ситуации в связи с глобальным потеплением, опустыниванием, недостатком питьевой воды, загрязнением воздуха, загрязнением окружающей среды промышленными отходами и сбросами сточных вод и т.д. Одной из «мягких угроз» является распространение в регионе инфекционных заболеваний, и прежде всего СПИДа, «птичьего гриппа» и т.д. Чрезвычайную актуальность для многих стран региона также имеет проблема этноконфессиональных конфликтов и противоречий, проявляющая себя в форме сепаратистских движений.

Остро проявляет себя и дефицит энергоресурсов в странах региона, вынужденных решать проблему стабильного обеспечения источниками энергии (см. главу V настоящего пособия). Ситуация носит в регионе особенно острый характер, так как именно сюда происходит передвижение мировой перерабатывающей промышленности. Активный рост промышленного потенциала Китая и Индии сопровождается огромным спросом на энергоносители. На эти страны приходится около 40% прироста мирового потребления нефти и существенная доля дополнительного спроса на уголь. По прогнозам, рост потребностей в энергоносителях к 2030 г. удвоится и в Китае, и в Индии. Усиление спроса на углеводороды со стороны этих стран объективно создает все условия для ужесточения конкуренции с Японией за надежные источники энергоносителей. Свою роль в обострении энергетической проблемы в Восточной Азии играет и увеличение политических рисков, связанное с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке, откуда

в регион поставляется существенная часть импортируемой нефти.

Достаточно остро в Восточной Азии стоит и демографическая проблема, хотя формы ее проявления имеют для разных стран свою специфику. Для Японии, например, наряду с низкой рождаемостью характерен стремительный рост доли возрастов старших возрастов в демографической структуре общества. Так, если в середине 2000-х гг. доля лиц старше 65 лет составляла около 20%, то к 2050 г. она, по некоторым оценкам, достигнет 36%. Результатом этого неизбежно становится существенное снижение доли самодеятельного населения в демографической структуре общества, являющееся в долгосрочной перспективе крайне негативным макроэкономическим фактором. Наибольшую проблему представляет существенный рост финансовой нагрузки на работающее поколение. Эта нагрузка будет в первую очередь проявляться в опережающем росте статьи расходов на социальные нужды, которая становится в национальном бюджете доминирующей. Действие демографического фактора, как предполагается, будет проявляться в виде относительного снижения темпов экономического роста, а также общего ослабления конкурентоспособности японской экономики.

Проблема низкой рождаемости стоит и в ряде других восточноазиатских стран, например, Кореи и Тайване, хотя ее проявления носят менее острый, чем в Японии, характер, в силу пока еще «молодой» демографической структуры. В противоположность этому для Китая, имеющего население около 1,3 млрд человек, демографическая проблема проявляется прежде всего в наличии в неурбанизированных регионах материковой зоны страны огромного количества избыточной рабочей силы. Пока прибрежные районы страны, переживающие период экономического бума, частично поглощают ее, однако сокращение темпов роста чревато обострением проблемы безработицы и серьезными социальными последствиями.

2. Процесс экономической интеграции в Восточной Азии

Усиление внешнеторговой ориентации стран Восточной Азии и рост значения внутривнутрирегиональных связей

Активный экономический рост стран Восточной Азии (Японии, Китая, Тайваня, Гонконга, Сингапура), наблюдаемый на протяжении нескольких десятилетий, сопровождается достаточно радикальным смещением приоритетов их внешнеторговой ориентации. Если ранее (в 60–70-е годы) зависимость от внешней торговли была характерной чертой лишь японской модели развития, то с начала 80-х годов существенно усилилась экспортноориентированность экономик и других крупных стран региона, и прежде всего Китая, Южной Кореи, Тайваня, Таиланда, Сингапура и др. Например, для Китая «коэффициент зависимости от внешней торговли», представляющий собой соотношение объемов внешней торговли и ВВП, составлял 51% в 2002 г. и 70% в 2004 г.

Одновременно происходят макроизменения и в структуре торговых балансов. В 70–80-е годы прошлого века торгово-экономические связи региона в основном развивались с США и Западной Европой, а в 80–90-е — с Японией, в результате чего сложилась однобокая структура торгового баланса, в котором восточноазиатские страны в основном довольствовались ролью поставщика дешевых потребительских товаров и отчасти — компонентной базы для высокотехнологичных производств стран-партнеров. Однако с начала 2000-х гг. преобладающим для стран Восточной Азии стало значение внутривнутрирегиональной торговли, причем не обязательно на японском направлении. Ее доля в общем товарообороте в регионе Большой Восточной Азии в середине 2000-х гг. составила более 50%.

Качественные сдвиги наблюдаются и в инвестиционной структуре. С начала 1990-х гг. более половины прямых иностранных инвестиций в регионе обеспечи-

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

вается за счет «внутренних» источников, и прежде всего Японии, Китая, Гонконга и т.д. Роль Китая и Японии как внешнеэкономических партнеров друг для друга и других стран региона стала гораздо более значимой, чем роль США и стран ЕС. Например, в 2007 г. для Японии внешнеэкономический оборот с Китаем впервые за весь послевоенный период превысил показатель, достигнутый в торговле с США.

Это интересно. В 2004 г. Китай вышел на первое место среди внешнеэкономических партнеров Южной Кореи. Если в 1991 г. (год нормализации южнокорейско-китайских отношений) Китай занимал лишь 1% во внешнеэкономическом обороте Южной Кореи, а США — 26%, то в 2006 г. доля Китая составляла уже 22%, тогда как США — лишь 15%.

Вследствие нарастания экономической взаимозависимости большинство стран региона заинтересованы в эволюционном характере мировых трансформаций, в политической стабильности региона. Внутрирегиональные торговые экономические связи становятся для многих стран важнее связей с Европой и США, что оказывает существенное стабилизирующее воздействие на внешнеполитический и оборонный курс этих стран.

Проблемные точки и успехи интеграционного процесса

Вместе с тем процесс полноценной экономической интеграции в Восточной Азии сталкивается с существенными трудностями. Среди тех факторов, которые препятствуют реализации интеграционных проектов, необходимо выделить следующие.

Прежде всего, тормозящим фактором выступают существенные различия между потенциальными участниками интеграции, которых не проявлялось в процессе экономической интеграции в странах Европы. В частности, обращает на себя внимание большой разброс среди восточноазиатских стран по уровню экономического развития, формам

государственного и политического устройства, военно-стратегической и внешнеполитической ориентации. Например, в регионе соседствуют демократическая Япония, уровень ВВП на душу населения в которой превышает 36 000 долл., и имеющая авторитарный режим Мьянма, где этот показатель составляет лишь несколько сотен долларов.

Другим важным обстоятельством является тот факт, что в своей политике обеспе-

печения национальной безопасности ряд стран региона, в частности Япония, Южная Корея, Филиппины и Таиланд, ориентируются на союз с США, в то время как такие страны, как Китай, Монголия, Индия² и др., традиционно придерживаются политики нейтралитета.

Свою роль играет и наблюдаемое в регионе разнообразие по культурным, этническим, конфессиональным и иным условиям. Ситуация в Восточной Азии существенно отличается в этом плане от Западной Европы, процесс объединения которой шел под знаком единой христианской культуры. На все это накладываются упомянутые выше территориальные проблемы между отдельными странами, проблема храма Ясукуни и, в широком контексте, проблема исторического наследия Второй мировой войны, а также связанная с ней проблема антияпонских настроений во многих странах региона.

На этом фоне наибольших успехов на пути экономической интеграции достигла лишь Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). С 2003 г. в рамках блока реализована Зона свободной торговли, обеспечивающая низкотарифный режим внешнеэкономических операций (пош-

² Принадлежность Индии к восточноазиатскому региону нередко оспаривается, однако с учетом ее масштабов, экономической мощи и политического влияния, а также географической близости к Восточной Азии эта страна, вне всякого сомнения, является активным актором в системе экономических и политических связей региона.

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

лины снижены до 5%). Поставлена цель создания к 2015 г. «сообщества АСЕАН», предполагающая высокую степень консолидации в сфере экономики, национальной безопасности, социально-культурной политики.

Блок АСЕАН объективно выступает как потенциальный центр экономической интеграции более широкого круга участников, обладающих существенно большим экономическим потенциалом. С 1997 г. запущен механизм региональных совещаний «АСЕАН плюс три» (страны АСЕАН и представители Китая, Южной Кореи и Японии), в рамках которого экономическая проблематика занимает все более заметное место. Объективно формат «АСЕАН плюс три» становится зародышем более широкой интеграционной структуры — Восточноазиатского сообщества.

Это важно. Впервые концепция Восточноазиатского сообщества (ВАС) была выдвинута в начале 1990-х гг. премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохаммадом, который искал практические механизмы для реализации лозунга «свести вместе всех азиатов». В качестве концептуальной основы строительства ВАС положен принцип «открытого регионализма», который заключается в том, что региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами должно осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального экономического сотрудничества. Поэтому двери в дом восточноазиатской интеграции должны быть открыты для самого широкого круга участников, включая «периферийные», с географической точки зрения, страны.

Одной из проблем при строительстве «восточноазиатского сообщества» являются различия в подходах, проявившиеся среди участников этого процесса. Так, для Японии сообщество, помимо институционального механизма региональной экономической кооперации выступает как региональный клуб демократически ориентированных стран, связанных единством исторической судьбы. В этой связи Токио взял курс на максимализацию

круга участников ВАС за счет государств, признаваемых им «дружественными», хотя и не обязательно входящих в географические границы Восточной Азии (Индии, Австралии). Вместе с тем Япония с опасением относится к участию в сообществе России, опасаясь, что в случае российско-китайского сближения в рамках ВАС ей будет труднее отстаивать свои интересы. В то же время для Китая сообщество представляется как чисто региональный форум, т.е. коммуникационный канал для общения восточноазиатских стран с прочими регионами мира, а функциональное его значение заключается в основном в тарифной и инвестиционной либерализации.

В условиях японо-китайского соперничества за лидерство в формирующейся структуре экономической интеграции ее организационным центром, несмотря на

относительную слабость экономических позиций, становится блок АСЕАН. К настоящему времени в русле процесса создания Восточноазиатского сообщества прошло два «восточноазиатских саммита» — в Куала-Лумпуре (декабрь 2005 г.) и филиппинском г. Себу (январь 2007 г.). В саммитах принял участие широкий круг государств: 10 стран — членов АСЕАН, Австралия, Новая Зеландия,

Япония, Китай, Южная Корея и Индия, а также Пакистан, Монголия и Россия в статусе наблюдателей. Однако реального прогресса на пути к организационному оформлению сообщества в постоянно действующий механизм многосторонней экономической интеграции стран Восточной Азии достигнуто пока не было.

Главным направлением экономической интеграции пока остается создание зон свободной торговли путем заключе-

ния двусторонних либо многосторонних Соглашений о свободной торговле (ССТ), а также Соглашений об экономическом партнерстве (СЭП) между отдельными странами восточноазиатского региона. Следует учесть, что если соглашения о свободной торговле (ССТ) оперируют лишь вопросами тарифной политики, СЭП предусматривают еще и меры по либерализации торговли услугами, взаимной защите инвестиций, проведение общей политики по развитию свободной конкуренции, защите прав интеллектуальной собственности, стимулированию рынка государственных заказов и др., а также устранению ограничений на свободное перемещение рабочей силы между участниками соглашения. В процессе отбора партнеров по СЭП на первый план выходят такие факторы, как перспективы для экспортных отраслей экономики, возможности для инвестирования, а также для обеспечения стратегическими ресурсами с целью повышения уровня экономической безопасности.

К 2007 г. в азиатском регионе действовало 60 ЗСТ и шли переговоры по 117 ССТ и СЭП. Наиболее активными участниками процесса строительства различных форматов экономической интеграции являются такие страны, как Сингапур, Таиланд, Япония, Малайзия, Республика Корея. Помимо двусторонних соглашений, активным игроком в процессе интеграции является блок АСЕАН, который уже заключил ряд рамочных соглашений по формированию зон свободной торговли либо ведет переговоры о создании подобных зон с Китаем, Японией и Индией. В перспективе на повестку дня ставится вопрос о создании в Восточной Азии «зоны свободной торговли» с более глубокой степенью интеграции, предполагающей, помимо всего прочего, свободу перемещения капиталов и рабочей силы и формирования единого рыночного пространства.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что интеграционный процесс в Восточной Азии в основном

ограничивается сферой строительства региональных зон свободной торговли, приоритет среди которых имеет двусторонний формат заключаемых соглашений. Дело в том, что интеграционные процессы носят на разных направлениях разносторонний характер, что тормозит либерализацию внешней торговли на общерегиональном уровне. В большинстве заключаемых соглашений, кроме того, предусматривается большое количество исключений из режима льготного тарифного регулирования. Например, Китай занимает традиционно жесткую позицию в вопросах либерализации по банковскому сектору, телекоммуникациям, транспорту. Япония, в которой фермеры составляют традиционную электоральную базу правящей партии, в свою очередь, добивается в заключаемых соглашениях права на сохранение тарифных ограничений по сельхозпродукции. Подсчитано, что в шести странах АСЕАН в ближайшие несколько лет не подлежат либерализации 158 товарных позиций по сельскому хозяйству.

В связи с ограниченным количеством участников двусторонний формат сотрудничества в наибольшей степени отвечает интересам партнеров по либерализации конкурентоспособных отраслей и защите уязвимых секторов экономики. Благодаря такому формату, страны-участники получают возможность успешно наращивать объемы внешнеторгового товарооборота. Кроме того, двустороннее соглашение создает дополнительный стимул для активизации многосторонних торговых переговоров (например, договор Сингапура и Таиланда в рамках АСЕАН открыт для присоединения новых членов).

В то же время существование ограниченных зон свободной торговли сопряжено с рядом существенных минусов с точки зрения интересов международной торговли, главный из которых заключается в том, что нарушение принципа свободной конкуренции за счет создания преференциальных условий для ограниченного

CASE-STUDY: РЕГИОН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

числа стран искажает ценовые ориентиры и отвлекает торговлю от наиболее эффективных поставщиков к странам-партнерам по двустороннему соглашению. Свою негативную роль играют и создаваемые в результате соглашений административные барьеры и иные дополнительные условия для заключения торговых сделок, что весомо увеличивает издержки для бизнеса. Таким образом, двусторонние договоры о преференциальной торговле — это не магистральный путь развития экономической интеграции, а, скорее, вынужденная для восточноазиатских стран мера в условиях кризиса переговоров в ВТО и медленной реализации многосторонних интеграционных группировок.

Среди прочих аспектов экономической интеграции Восточной Азии наибольший прогресс к настоящему времени достигнут в валютно-финансовой и энергетической сферах.

В финансовой области в свете уроков финансового кризиса 1997–1998 гг. в регионе разработаны наиболее эффективные координационные механизмы. После кризиса была создана система «своп-соглашений», т.е. система взаимного предоставления кредитов для валютных интервенций с целью поддержания курса национальных валют стран-участников (Чьенмайская инициатива). В регионе постепенно, хотя и не без трудностей, идет процесс формирования общих финансовых рынков, делаются попытки создания стабилизационного валютного фонда. На интеграционных форумах периодически ставится задача изучения вопроса о введении в перспективе Азиатской региональной валюты (АКЮ). На данном этапе она мыслится прежде всего как виртуальная валюта, курс которой определяется на базе всей корзины валют. Ее функция заключается в том, чтобы обеспечить финансовые власти каждой из стран необходимыми ориентирами для корректировки курса собственной валюты.

Что касается вопросов энергетического сотрудничества, то они занимают все более видное место в деятельности

крупнейших международных организаций региона. Наиболее крупными среди них являются Восточноазиатский саммит, Пятистороннее совещание министров энергетики (США, Китая, Японии, Индии и Южной Кореи) и Азиатско-тихоокеанское партнерство в интересах чистого развития и сохранения климата. На II Восточноазиатском саммите, состоявшемся в филиппинском г. Себу в середине января 2007 г., была разработана и принята декларация стран Восточной Азии по энергетической безопасности, в которой была провозглашена цель содействовать развитию открытых и конкурентных региональных и международных рынков, которые бы обеспечивали на всех уровнях доступные виды энергии. В целом наблюдается процесс политизации сферы международной энергетической безопасности, в рамках которой особую значимость приобретают не столько усилия отдельных стран по поиску новых возможностей, сколько политика снижения потребностей в энергоресурсах, расширяющая свои возможности по мере развития научно-технического прогресса.

Важной областью интеграции в энергетической области стран Восточной Азии становится сотрудничество в сфере энергосбережения. Политика энергосбережения позволяет развивающимся странам сократить потребление энергии и обеспечить высокий уровень энергетической безопасности. Немаловажно и то, что энергосбережение является важной частью задач сохранения окружающей среды и предотвращения мирового потепления, решение которых в нынешних условиях неотделимо от целей экономического развития. Достижение энергетической безопасности предполагает достижение оптимальных показателей рынка по признаку наличия избыточных мощностей, т.е. дополнительного потенциала поставок на случай колебаний спроса. Кроме того, дополнительная «подушка безопасности» может быть создана с помощью кооперативистских механизмов между-

народного сотрудничества, направленных на регулирование и снижение спроса на энергоносители, например путем внедрения энергосберегающих технологий. С учетом осознания того факта, что все эти сложные задачи невозможно решить в одиночку, в восточноазиатском регионе постепенно стало преобладать мнение о необходимости создания прочной системы международного сотрудничества.

Наибольшую активность в развитии международного сотрудничества в сфере энергосбережения в Восточной Азии традиционно проявляет Япония, имеющая заслуженную репутацию «инкубатора технологий» в сфере энергосбережения. Более 30 лет она последовательно проводила политику энергосбережения, и в первую очередь путем развития энергосберегающих технологий, которая позволила ей снизить энергоемкость единицы ВВП более чем на 30%. Международно признанный авторитет Японии дает повод говорить о ней как о «великой энергетической державе», опыт которой в решении собственной энергетической проблемы становится своего рода «путеводной звездой» для стран, лишенных собственной базы энергетических ресурсов, и в первую очередь государств восточноазиатского региона, вступивших на стадию интенсивного индустриального развития. Для самой же Японии, традиционно занимающей нишу «технологического донора» этих стран, задача активизации помощи в сфере энергосбережения приобрела особую актуальность на рубеже двух тысячелетий в условиях лавинообразного повышения мировых цен на углеводородное сырье.

Важнейшим инструментом международного сотрудничества Японии с восточноазиатскими странами в сфере энергосбережения является официальная помощь развитию (ОПР). Основным правительственным органом, координирующим международные проекты помощи в сфере энергосбережения, является Организация развития новых видов энергии и промышленных технологий NEDO (The

New Energy and Industrial Technology Development Organization). На протяжении ряда лет NEDO проводит в странах Азии серию модельных проектов, направленных на повышение эффективности энергосбережения. Каждый из них проходит ряд стадий: предварительную стадию обследования ситуации в какой-либо области, где наблюдается чрезмерно высокий уровень потребления энергии; основную стадию реализации, предполагающую внедрение передовых технологий энергосбережения на одном из предприятий страны-реципиента; наконец, стадию распространения полученных результатов на другие предприятия отрасли. При этом особенностью политики NEDO является то, что для реализации своих проектов она делает ставку на активное привлечение частного японского бизнеса.

Активно проводится политика международной помощи, например, в области солнечной энергетики, где Япония занимает передовые позиции в мире. Во многих азиатских странах, например Таиланде, Малайзии, Вьетнаме, Китае, Мьянме, Монголии и Камбодже, Япония еще с первой половины 1990-х гг. проводит демонстрационные проекты по внедрению электрогенерирующих модулей, включающих блок солнечных батарей и аккумуляторные подстанции. Отдельного упоминания заслуживают модернизационные проекты в угольной промышленности, продукция которой продолжает играть ключевую роль в энергетическом балансе Китая, Индонезии, Вьетнама и других стран региона. В этой сфере Япония проводит целый ряд проектов, в рамках которых обеспечивается более высокая степень очистки и десульфуризации угля, производство угольных брикетов, снижение водопотребления в процессе добычи угля, эффективное сжигание низкокалорийных углей и т.д.

Особое место среди международных усилий Японии в сфере энергосбережения занимают проекты, предпринимаемые в рамках усилий по сокращению

эмиссии парниковых газов. Особенностью подхода Токио к сфере сотрудничества с азиатскими странами в сфере энергосбережения является достаточно тесная увязка предпринимаемых в этой области шагов с принятыми Японией по Киотскому протоколу обязательствами по сокращению эмиссии парниковых газов. По мнению Японии, помощь в сфере энергосбережения создает дополнительные возможности устойчивого развития этих стран и достижения так называемых «Целей развития тысячелетия», выдвинутых ООН в 2000 г., а также способствует решению глобальной задачи борьбы с глобальными изменениями климата. Не случайно одним из трех столпов провозглашенной Токио в 1997 г. японской ОПР, направленной на реализацию киотской инициативы, наряду с сотрудничеством в деле создания потенциала развития и подготовки специалистов в областях, связанных с глобальным потеплением климата, явилось эффективное использование и трансфер японских технологий и ноу-хау в сфере энергосбережения.

Сотрудничество с азиатскими странами в сфере энергосбережения проводится Японией в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, заключаемых на межправительственном уровне. Формат каждого из таких соглашений подбирается в соответствии с особенностями промышленной и энергетической структуры страны-партнера, ее готовностью принять японскую технологическую помощь, а также политических факторов (значимость той или иной страны во внешнеполитической доктрине Токио, уровень и характер двусторонних отношений и т.д.). Например, во взаимоотношениях с Китаем и Индией получил распространение формат двустороннего «диалога по энергетике» на уровне правительств двух стран. Кроме того, для привлечения к энергетическому сотрудничеству представителей частного бизнеса, экспертных кругов и общественности стали проводиться двусторонние «форумы по энерге-

тике», хорошо зарекомендовавшие себя в отношениях с Китаем и Вьетнамом.

В связи с ростом значения восточноазиатского региона в принятой Российской Федерацией долгосрочной стратегии развития энергетической отрасли особое значение для России приобретает стратегическое планирование нефтегазовой отрасли с учетом процессов энергетического сотрудничества в Восточной Азии. Россия намерена уделять странам АТР все большее внимание именно по той причине, что именно этот регион является наиболее активным покупателем энергоресурсов, обеспечивая до 45% перспективного прироста мирового спроса на нефть. По словам главы Минпромэнерго РФ В. Христенко, если в настоящее время более 90% экспортируемых российских энергоносителей поставляется в страны Европы, то к 2020 г. доля стран Азии в российском экспорте возрастет с 3% в 2005 г. до 30% по нефти и с 5% до 25% по газу³. В этих условиях знание реалий восточноазиатского рынка, перспективный анализ динамики потребностей отдельных стран региона позволили бы своевременно вносить коррективы в планы развития добывающих мощностей Сибири и Дальнего Востока.

* * *

Сложности процесса интеграции Восточной Азии свидетельствуют о том, что основой этого процесса может стать только экономическая составляющая. При этом наиболее реалистичной представляется перспектива воплощения «мягких» моделей интеграции, которые, в отличие от европейской модели, предполагают сохранение за странами-участниками всех атрибутов суверенитета (право эмиссии, безвизовый режим передвижения граждан и т.д.) Интеграционные процессы, по всей видимости, будут идти в

³ Энергия промышленного роста. 2005. Декабрь. № 2. URL: <http://www.epr-magazine.ru/archive/2005/2-2>

направлении количественного и качественного расширения зон свободной торговли, углубления сотрудничества в валютно-финансовой сфере, наращивания взаимодействия в сферах энергетики, безопасности, экологии и т.д.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что представляет собой «система оси и спиц»?
2. Назовите основные факторы политической нестабильности в регионе Восточной Азии.
3. С чем связано проявление националистических настроений в отношении Японии в Китае, Южной Корее и других восточноазиатских странах?
4. Как реагируют США на экономический и военный подъем Китая?
5. В каком направлении идет в последние годы изменение мирного статуса Японии?
6. Когда и кем была выдвинута концепция Восточноазиатского сообщества?
7. В каком направлении идет процесс экономической интеграции стран Восточной Азии?

ЛИТЕРАТУРА

Монографии

1. Азиатский многоугольник: конфликтность и потенциал интеграции / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2007. 221 с.
2. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. Г.И. Чурин. М. : Наука, 2004. 282 с.
3. Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные. М. : Аспект-пресс, 2008 / отв. ред. А.Д. Воскресенский. 512 с.

4. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М. : МГИМО-Университет, 2007. 311 с.

5. Политические системы и политические культуры Востока / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М. : Восток — Запад, 2007. 830 с.

6. Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / отв. ред. А.Д. Воскресенский М. : МГИМО — Университет, 2007. 1040 с.

7. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО — Университет, 2010. 444 с.

8. Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / под ред. А. Арбатова и В. Михеева. М. : Моск. центр Карнеги, 2005. 35 с.

Статьи

1. Байков А. Интеграционные маршруты Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. Т. 6. Номер 1(16). Январь — апрель 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/fifteen/001.htm>

2. Воронцов А. Основные тенденции развития международной ситуации в Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 3.

3. Михеев В. Северо-Восточная Азия: энергетические стратегии безопасности / Михеев В., Якубовский В., Бергер Я., Белокурова Г. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. № 6. М. : Carnegie Endowment for International Peace, 2004. 51 с.

4. Sanghee L. Realities and Possibilities for a Peace System in Northeast Asia / Lee Sanghee. Wash.: The Brookings Institution, 1 November 2007. 17 p.